

ПЕРЕПИСКА ИММАНУИЛА КАНТА И ИОГАННА ГЕОРГА ГАМАНА¹

Кант — Гаману от 6 апреля 1774 г.

Исследователь древнейшего документа сравнил знаменитый символ Гермеса ⊗ — он якобы есть сокращенный вариант точечного образа правильного шестиугольника

(в коем седьмая точка — его центр) — с мистикой числа «7» у древних и, более того, даже с семью днями истории Творения; и поелику Гермес представляется ему не личностью, а первосимволом всей человеческой науки, он счел возможным изобразить последовательность Творения в следующем символическом образе, включающем также память о Том, Кто его совершил:

Теперь он рассматривает эту главу Книги Бытия не просто как историю сотворения мира, а как символическую схему для первичного обучения человеческого рода, даже как своего рода *methodo tabellari*², коими Бог, проводя данное разделение всех предметов природы, руководствовался для привития человеческому роду понятий с тем, чтобы обозначаемый ими класс предметов вызывал в человеке воспоминание об определенном дне их сотворения; при этом седьмой день, будучи завершением Творения, мог бы обрамлять всю эту целостность. Тут же Бог связал представленный выше росчерк Своего плана Творения — то есть это никакое не египетское изобретение, а непосредственно Его рук дело с языком; начертание и язык соединились друг с другом в этом первом уроке, преподанном Богом человеку, а из него происходит все человеческое познание. Согласно суждениям автора «Древнейшего документа», который является не просто первой главой Моисеевых книг, содержащей самое верное представление о методе Божьего наставления: этот документ отражает всю традицию того, как Господь

¹ Продолжение, начало переписки см.: *Кантовской сборник*. 2009. 1(29). С. 92–109; 2(30). С. 112–125.

² Методические указания (лат.) — здесь и далее примечания переводчика.

Бог преподавал всем народам земли первый урок познания, и эта традиция сохранена многими народами, у каждого — согласно его линии родового предания. При этом Моисей лучше сохранил для нас собственно смысл урока, в то время как египтянам мы обязаны сохранением первосимвола-схемы, вышедшей как начало всякого письма непосредственно из рук Бога. Польза от выделения дней недели проявляется прежде всего во введении Саббата; оно должно служить только тому, чтобы лучше сохранить все сообщенные элементы познания и напоминать о них, одновременно также для того, чтобы служить мерой времени и заодно простейшим упражнением в усвоении числовых понятий. Символическая схема служила тому, чтобы открывать поле для искусства мер *etc.*

Этот символический первообраз, мистическое число «7», дни недели *etc.*, выступая как общий памятник первого урока, данного людям самим Богом, были облачены различными народами по их вкусу в системы различных символов. Моисей облек этот памятник в аллегорическую форму истории Творения, греки — в буквенные символы звуков:

	α	
ε		η
	ι	
ο		υ
	ω	

Они суть лира в ее семи звуках. Теогонии финикийцев и египтян, формы пирамид и обелисков — все это были только лишь несколько измененные отображения священной монограммы ⊗, росчерка Бога и первоазбуки людей.

Когда наука расширилась до астрономии, известные планеты были согласно древнейшей модели разделены на 7. От того якобы все авторы, считавшие, что знаменитая символика 7 планет заимствована от 7 звуков внутри октавы, сильно ошибались. Счастливая приметность числа «7», его связи с другими, всякое познание и науки — все произошло от него и т.д.

Ежели Вы, дорогой друг, найдете нужным в чем-то улучшить мое понимание основного намерения автора «Древнейшего документа», то прошу Вас сообщить мне Ваше мнение в нескольких строчках, однако по возможности на языке людей, поелику я, бедный сын земли, никак не годен для божественного языка созерцающего разума. Из того, что можно сформулировать обычными понятиями по логическим правилам, я, пожалуй, что-нибудь и пойму. Кроме того, я стремлюсь лишь понять тему автора, ибо не претендую на то, чтобы постичь со всей очевидностью все ее достоинства.

Кант

Гаман — Канту от 7 апреля 1774 г.

Р.Р.

Сразу после получения моего экземпляра книги¹ я передал ее моему другу д-ру Линднеру², а посему не в состоянии высказать мое понимание и суждение по поводу представленного мне Вами скелета этой книги, кроме

¹ Книги Гердера «Древнейший документ человеческого рода».

² Иоганн Готхельф Линднер (1729–1776) — один из ближайших друзей Гамана со студенческих лет. Именно он был редактором «энтузиастического» журнала «Дафна», в котором активно участвовал и Гаман во время учебы в Альбертине. После работы с 1753 г. сначала учителем, потом ректором Кафедральной школы в Риге в 1765 г. стал профессором поэзии в Кёнигсбергском университете. С 1772 г. — проповедник, настоятель церкви в Лёбенихте.

как после точного его сравнения с оригиналом. Мое предварительное суждение о главном замысле нашего автора, основанное лишь на впечатлениях моей памяти, без его книги под рукой, сводимо к следующим положениям:

1. Моисеева история Творения — не от самого Моисея, а от первоотцов человеческого рода. Уже только эта древность делает ее для нас достойной почитания, но одновременно раскрывает истинное детство нашего рода.

2. Эти *origines*¹ — не сочиненная поэзия, не древневосточная аллегория, меньше всего египетские иероглифы, а историческое свидетельство в собственнейшем смысле — настоящее семейное свидетельство — даже более достоверное, чем самый простой физический эксперимент.

3. Эта Моисеева археология — единственный и лучший ключ для всех прежних загадок и сказок древнейшей восточной и гомеровской мудрости, коя изначально, вызывая *implicite* восхищение, была отвергаема, не будучи когда-либо понятой самыми дотошными критиками, пресмыкающимися перед мудростью века сего. Но свет, исходящий из этой колыбели человеческого рода, проясняет Святую ночь в обрывочных преданиях всех традиций. Здесь единственная обоснованная причина необъяснимой стены и препятствий, разделяющих дикие и культурные народы.

4. Дабы для каждого заинтересованного читателя Моисеевых рукописей вновь восстановить их первоначальный, однозначный, безмерно плодотворный смысл, нужно, не больше и не меньше, взорвать и снести все бастионы новейших схоластов и аверроистов, чья история и отношение к их патриарху Аристотелю служит самым ясным доказательством и примером их взглядов² и т.д.

Все эти мысли изложены моим другом Гердером, что сделано им, однако, не в духе мертвой критики по образцу какого-нибудь Лонгина³ или другого сына Земли, коего на месте пронзила молния одного единственно Моисеева *bon mots*⁴, а во всей духовной мощи завоевательного неистовства, в чем лично я нахожу восхитительную дикость душевной чистоты; и мое восхищение этой душевной широтой автора вряд ли уступит восхищению криминал-советника Гиппеля⁵ от вкуса какой-нибудь дичи, ну, например, от вкуса жареной зайчатины.

¹ Истоки (лат.).

² По всей видимости, здесь аллюзия на известных в XVIII в. комментаторов Библии, прежде всего на Иоганна Давида Михаэлиса (1717–1791) и Уильяма Уорбёртона (1698–1779), которых Гаман сравнивает с Аверроэсом, бывшим одним из самых известных комментаторов Аристотеля.

³ Кассий Лонгин (210–273) — неоплатоник из Афин, советник и учитель при дворе царицы Зенобии в Пальмире, которая выступила против римских владений на Востоке. В 272 г. Пальмира была завоевана римским императором Аврелианом: по его приказу Лонгин был казнен. Лонгину ошибочно приписывают известный «Трактат о возвышенном» („*Auctor peri hypsus*“), созданный в I в. н.э. неизвестным автором. Гаман нередко включает Лонгина в «центо»-игры своих сочинений.

⁴ В «Трактате о возвышенном», который Гаман, Гердер и другие ошибочно приписывали Лонгину, автор восхищается началом Творения из книги Моисея «Бытие»: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. (Бытие 1, 3–4). В своем «Древнейшем документе» Гердер так реагирует на это место из трактата якобы Лонгина: «Лонгин восхищен словами «Бог сказал, и так стало», но отчего Бог не кажется Лонгину возвышенным во всем остальном из своего Творения? Разве не достойно восхищения то, как Творец одной мыслью творит все?» (*Herder J.G. Älteste Urkunde des Menschengeschlechts // Herder J.G. Sämtliche Werke. Bd. 6. Berlin, 1883. S. 277.*)

⁵ Теодор Готтлиб фон Гиппель (1741–1796) — юрист, советник, сумевший добиться высокого карьерного роста и ставший обербюргермейстером Кёнигсберга. Гиппель был в дружеских отношениях с Гаманом и не раз оказывал ему поддержку.

Вместе с тем, высокочтимый г-н профессор, я вознамерился предоставить на Ваш суд некоторые из подготовленных к опубликованию листов рукописи, поскольку почитаю Вас за истинного *Iudici competenti*¹ в вопросах прекрасного и возвышенного, о чем я уже написал моему другу Гердеру. Ваше *Imprimatur*² подвигнет нашего общего друга — книгоиздателя в Мариенвердере³ — как к изданию книги Гердера, так и к поистине политической мудрости, коя проявится в том, что он не будет судить о писательстве, находящемся в ведомстве небес, по меркам акционерных вкладов.

В целом и общем у меня нет никаких сомнений относительно работы нашего земляка, заслуживающей всяческого одобрения, и поэтому я с чистой совестью советую при ее прочтении дать отдых творящей из себя самой голове, и будет этот отдых ей благословением⁴. В подходящее время я тоже выступлю со своей работой, но прежде дождусь, пока *ingenia praesocia*⁵ нашей критической философско-политической эпохи хотя бы немного расстреляют запасы пороха и свинца из своего арсенала, что позволит мне составить достаточно точное представление о его содержимом.

Однако есть кое-что, что возмущает меня до самой глубины души: это то, что теологический факультет Альбертины собирается надеть докторскую шляпу на римско-апостольско-католического еретика и криптоиезуита, и это то, что этот некто⁶ в своей историко-теологической диссертации, вся антикварная чушь

---

¹ Компетентное суждение (лат.).

² Допущено к печати (лат.) — надпись, которой снабжались отредактированные и подготовленные для печати тексты.

³ Это Иоганн Якоб Кантер (1738—1786), деятельный книгоиздатель. В 1772 г. Кантер, которого поддерживал сам прусский король Фридрих II, получил от правительства привилегию на создание в Мариенвердере типографии. Гаман, ставший близким другом Кантера и не раз издававший у него свои сочинения, пытается убедить Канта повлиять на него, поскольку Гаман надеялся, что Кантер возьмется за издание трактата Гердера. Это было не так просто, поскольку в тот момент Кантер считал Гердера и Гамана «нехорошим товаром», о чем Гаман сообщает Гердеру в письме от 20 декабря 1774 г.

⁴ Гаман, выступавший против автономной рациональности Канта, создает в этом пассаже аллюзию на седьмой день Творения и, соответственно, традицию Саббата, согласно которой Суббота должна быть свободна от дел и посвящена Богу. См.: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал (Быт. 2, 2—3)».

⁵ Созревшие до времени таланты (лат.).

⁶ Это Иоганн Август Штарк, ученик Михаэлиса, человек, игравший видную роль в немецком масонстве. В 1769 г. Штарк прибыл в Кёнигсберг и без сомнения не раз встречался с Гаманом, уже хотя бы потому что первое время жил в доме книготорговца И. Я. Кантера, куда часто заходил Гаман, находившийся с Кантером в дружественных отношениях. В 1774 г. Штарк возглавил кафедру ориенталистики на теологическом факультете Альбертины и готовился к защите диссертации, вызвавшей резкое негодование со стороны Гамана. Во время ее публичной защиты в Альбертине в марте 1774 г. Гаман в возмущении покинул зал, не дождавшись конца диспутации. Диссертация называлась «*De tralatitiis ex gentilismo in religionem christianam*», что означает в переводе с латинского «О заимствованиях из язычества в христианство». В своей диссертации Штарк пытается показать, что первоначальное христианство уже на ранних этапах своего развития было проникнуто различными ритуалами и церемониями язычества, прежде всего из так называемых «*disciplina arcana*» религиозных мистерий. Диссертацию Штарка следует оценивать в контексте двух других его сочинений — «Апология Ордена свободных каменщиков» и «Гефестиян», в которых он описывает языческие мистерии как скрытое под символическим покрывалом выражение «вечных тем» деизма: Бог, добродетель, бессмертие. В диссертации под этим же углом рассматривается «чистая и простая христианская вера и ритуальные формы ее выражения». Основная идея Штарка в том, что в

которой сводится к *verbis tralatiis ex gentilismo*¹ *praetereaue nihil*², настаивает на связи христианства с *disciplinam arcanam*³ язычества, не имея при этом даже малейшего представления об основах христианского катехизиса.

Не знаю, найдется ли в моей *uterus*⁴ место для двух близнецов⁵. Ответ на вопрос может дать не кто иной, как ΣΩΚΡΑΤΗΣ ΜΑΙΝΟΜΕΝΟΣ ΜΑΙΟΜΕΝΟΣ⁶.

Ам Альтен Грабен⁷, 7 апреля 74.

Письмо Лафатера и прочие мелочи еще не получил.

Гаман

различных древних религиях, к которым относится и христианство, нужно найти единое, разумное и чистое зерно веры.

¹ Заимствованное от язычников пустословие (лат.).

² Не что иное, как ничто (лат.).

³ Тайные науки (лат.).

⁴ Матка (лат.). Стиль Гамана в целом отличает склонность к специальным терминам из области сексуальной анатомии, что подчеркивает телесную и аффективную специфику его богоцентризма.

⁵ Штарка Гаман считает близнецом тех, кто обрушится с критикой на трактат Гердера: это главные представители берлинского просвещения, против которых Гаман выступал всю свою жизнь. Массонство Штарка Гаман оценивает как тревожащую симптоматику времени, стремительно теряющего «духовную осязательность» живой веры. В письме к Гердеру в марте 1774 г. он пишет: «Она [диссертация Штарка] заслуживает некоторое внимание только лишь как *national product*, а по сути она — водяной пузырь» (ZH III 78:22). За спиной Штарка стояло «просвещенное» время вплоть до периода правления короля Фридриха, своей поддержкой обеспечившего столь стремительный карьерный рост кёнигсбергского «иерофанта». Позднее Гаман находит место в своей «матке» для обоих «близнецов» — Штарка и тех, кто, по его мнению, солидарен с ним — берлинских просветителей. Выступлению против них посвящено его сочинение «Иерофантские послания». В этом сочинении Гаман опять один против всех во главе с «королем философов», и поэтому он, как уже раньше было не раз, одевает маску «пророка», в этот раз под именем *Vettius Eragathus Regiomonticolae* — Веттий Эпагафий Кёнигсбергский. Во времена римского императора Антония Вара мученик Веттий был казнен в Лионе в 177 г. по обвинению в защите христиан. Во время суда на вопрос, является ли он сам христианином, Веттий мужественно ответил: «Да, я — христианин». Гаман, христианский «*Magus Regiomonticolae*», говорит в своих «Посланиях» то же самое перед лицом «просвещенного императора» Фридриха и его «иерофанта» Штарка.

Гаман выступает против Штарка прежде всего как против олицетворения европейского деизма XVIII в., подвергающего рационалистической вивисекции живую реальность христианства, разделяя так называемые «вечные истины» разума и исторические формы христианства. Герменевтика Гамана — это герменевтика единства «буквы» и «духа», с позиций которого он критикует «масонское искусство» абстрагирования «духа» от «буквы». Касаясь проводимого Штарком разделения между первоначальным «чистым христианством» и более поздними «языческими добавками» к христианству по причине «естественной склонности людей к безумию», Гаман пишет: «Если фарисейской критикой отделить от христианства все иудейские и языческие составляющие части, то останется примерно столько же, сколько от нашего тела в результате применения похожего искусства метафизического разделения, а именно: одно материальное «ничто» или одно духовное «нечто», что по сути механики *Sensus communis* сводится к одному и тому же» (N III 142:4).

⁶ ΣΩΚΡΑΤΗΣ ΜΑΙΝΟΜΕΝΟΣ ΜΑΙΟΜΕΝΟΣ (гр.) — Сократ неистовый, Сократ разродившийся. Данный пассаж является одновременно аллюзией Гамана на свое сочинение «Достопримечательные мысли Сократа», которое было высоко оценено современниками и в котором он под маской «христианствующего» Сократа подверг жесткой критике всю парадигму Просвещения в лице ее идейных «близнецов» — Беренса и Канта.

⁷ *Am Alten Graben* (нем.) — улица старого Кёнигсберга, на которой проживал Гаман со своей семьей — с находившейся с ним в гражданском браке Анной Региной Шумахер и их четырьмя детьми.

Кант — Гаману от 8 апреля 1774 г.

Тема опуса — доказать, что Сам Бог был наставником первого человека в языке и письме, а через их посредство и в началах всякого познания и науки. Сделать это автор намерен не на началах разума: по меньшей мере, не в этом заключается характерная особенность его книги. Не собирается он этого делать и на свидетельствах Библии, поелику в книге нет никаких упоминаний об этих свидетельствах. Свое доказательство он основывает на одном древнейшем памятнике почти всех добронравных народов, о коем он утверждает: ключ к этому древнейшему свидетельству содержится в совершенно ясной форме в главе 1-й Моисеева Пятикнижия и раскрывает тем самым тайну столь многих веков. Моисеев рассказ предстает в таком свете как не вызывающее никаких подозрений и сомнений доказательство того, что является подлинным и бесценным свидетельством единой истины, коя основывается не на авторитете одного избранного народа, а на согласии всех священнейших памятников друг с другом в отношении единого основания человеческого знания, сохраненного каждым древним народом и являющегося тем самым предусловием разгадки их древнейших преданий. То есть в архиве народов содержится доказательство правильности и одновременно смысла этого свидетельства, а именно общего для всех смысла. Благодаря этому смыслу отдельный памятник каждого народа получает свое объяснение в свете этого свидетельства и тем самым исчезают все недоразумения об их значении, поелику кажущиеся противоречия тут же поддаются согласованию друг с другом по той причине, что древнейшие предания предстают как различающиеся проявления одного и того же первообраза.

Но сейчас речь не о том, прав или не прав автор, и не о том, открываются ли этим якобы найденным главным ключом все потаенные ходы историко-антикварного христианского лабиринта. Речь о том: 1. Каков смысл этого древнейшего свидетельства? 2. Что доказывает то, что это добытое из древнейших архивных сведений всех народов свидетельство на самом деле является именно тем искомым документом, чья частота и истина не подлежат сомнению?

И тут мнение нашего автора сводится к следующему:

Что касается первого, то первая глава Библии представляет собой не историю Творения как такового, а облеченное в образ наставление Бога, данное первому человеку в 7 уроках (что может быть преподано миру и через естественное образование). В этих уроках человеку должно было научиться правильному мышлению и языку, с чем связана и первая письменность, а сами 7 дней Творения (преимущественно благодаря их завершению Саббатом) стали замечательным средством как для запоминания, так одновременно и для астрономической хронологии и т.п.

Что касается второго, то доказательство заключается собственно в том, что началом всего человеческого знания является не кто иной и не что иное, как Гермес Египетский и его простой символ, представляющий число «7». Это число вместе со всеми другими аллегориями, каковые отражают мистику «7» как воплощения всего познания мира, является не только знаком происхождения всего человеческого познания, но и знаковым выражением метода первого наставления Бога, кое воспринимается со всей определенностью, ежели, руководствуясь этим методом, свести объекты человеческого знания, облеченные в Моисеевом изложении в формы торжественной выразительности, к этой образной первосимволике. Отсюда автор за-

ключает, что поелику это важное творение Моисея именно то, кое одно способно прояснить все древнейшие символы, то оно и является единственным подлинным и достойнейшим документом, призванным познакомить нас самым надежным способом с началом человеческого рода. Именно Моисей открывает нам этот документ, египтяне же имели и, соответственно, показали нам только эмблему этого начала.

Из сообщенного мне Вами в общих чертах общего замысла опуса, дражайший друг, второй пункт Ваших разъяснений, если я не ошибаюсь, не совпадает с мнением его автора, ибо он все же считает историю Творения Моисеевой аллегорией, представляющей этапы Творения в Божественном наставлении для человека с учетом того, как в дальнейшем наиболее естественным образом будет развиваться и расширяться человеческое познание.

Не считите поэтому за труд при повторном прочтении Вами книги отмечать для себя, насколько открытый мною смысл и доказательная основа ее автора соответствуют действительному замыслу его произведения и в какой мере мое восприятие подлежит уточнению и исправлению.

Получить от Вас для прочтения несколько написанных Вашей рукой страниц достаточно, дабы подвинуть меня употребить все мое влияние на нашего критически настроенного издателя¹ для их опубликования. Он, однако, сам судит и рядит о том, что он называет тоном книги, — о вкусе публики и о сокрытом замысле автора. Поэтому, даже если само по себе мое рекомендательное суждение было бы пустячной услугой, я ни в коем случае не хотел бы брать на себя роль домашнего цензора, дабы не утратить у него тот маленький кредит, коим пользуюсь. Посему с неохотой, но все же я предпочел бы в этот раз отказаться от чести, коей удостоивается со стороны автора цензор на высоте своего всемогущества. Вам также, наверное, известно, что все, что выделяется на общем фоне, подлежит как раз решению нашего издателя и зависит от того, не почует ли он в книге какой-либо опасности для политической системы, коей служит. Поэтому курс акций здесь, по всей вероятности, ни при чем.

В новом академическом явлении² для меня нет ничего возмутительного и чуждого. Коли религия устроена так, что критическое знание древних языков, филологическая и историческая ученость полностью уничтожают ее основы, на коих зиждилось ее существование во всех эпохах и у всех народов, то тот, кто лучше всего сведущ в греческом, древнееврейском, сирийском, арабском и, соответственно, в архивах античной учености, тащит всех ортодоксов туда, куда захочет — пусть даже они злятся как дети сколько угодно. Им не следует обижаться, ибо в том, что, по их собственному признанию, в самом себе несет доказательную мощь, они не могут найти соразмерное себе, и потому робко смотрят на то, как один Михаэлис³ пере-

¹ Речь идет о Канторе в Мариенвердере.

² Кант имеет в виду докторскую диссертацию И. А. Штарка, о которой с возмущением отозвался Гаман в письме от 7 апреля 1774 г.

³ Иоганн Давид Михаэлис (1717–1791) — профессор из Геттингена, знаменитый ориенталист и экзегет, получивший в 1759 г. приз Прусской академии наук на конкурсе по теме о взаимном влиянии языка на мнения и мнения на язык. Именно Михаэлис стал для Гамана одним из главных выразителей опасностей автономного принципа, а потому одним из главных поводов для написания «Крестовых походов филолога» — сборника полемических сочинений Гамана, самым известным из которых является «Aesthetica in nuce».

плавляет их многовековой драгметалл, снабжая его клеймом новой пробы. Ежели теологические факультеты со временем теряют способность воспринимать от своих воспитанников литературу подобного рода, что, похоже, происходит у нас; если свободомыслящие филологи должны одни на свой страх и риск осваивать это вулканическое оружие, то тогда авторитету господствующих демагогов приходит конец, а значит, им следует занять у новых литераторов те инструкции, по коим они должны учиться заново. Учитывая это, я опасаясь того, что период триумфа без победы, то есть период восстановления древнейшего документа, затянется на довольно долгое время. Ибо против его реставратора стоит плотная фаланга мастеров ученой ориенталистики, кои вряд ли допустят то, чтобы столь лакомая добыча так легко была похищена с их территории.

С тем и остаюсь
Ваш покорный слуга
Кант

Гаман — Канту

[Апрель 1774 г.]

Позвольте мне, высокочтимый г-н профессор, начать с искреннего заявления в том, что я бесконечно благодарен Вам за дружеское письмо с изложением Ваших мыслей, коим я обязан развитием во мне целого сонма *имплицитных* понятий¹, впечатлений и идей. — Истинно то, что язык и письмо суть необходимые органы и условия всяческого человеческого научения, более значимые в своей сути и абсолютности, чем свет для зрения и звук для слуха. — При столь открытом выражении моей признательности Вы не заподозрите в этом моем ответе, предназначенном лично для Вас, какого-либо коварного умысла и не станете, подобно апостолу, кричать: «Ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды»².

Ежели автор ведет к тому, чтобы развить тему своего «Документа» до сведения *Ens entium*³ к Архизнциклопедисту, или к Пану (как коротко и ясно назвал его Сирах⁴) с 7-ствольной сирингой, то даже не знаю, чему я склонен больше верить — палингенесии⁵ старого забытого свидетельства или основаниям разума и библейским цитатам, кои и вправду по причине произвола и злоупотребления оказываются вполне совместимыми друг с другом. Пожалуй, я предпочту этому заплесневелому документу, *индивидуализирующему в своей энциклопедии Ens entium* до первого публичного наставника человеческого рода, тот бриллиант в *Thesaurο Brandenburgico*⁶, на

¹ Ироническая аллюзия Гамана на априористику трансцендентальной субъектности в философии Канта.

² См.: Деяния 8, 23.

³ Сущее из сущих (лат.) — то, что делает существующие вещи сущими. Одно из главных понятий схоластической философии, обозначающее Бога.

⁴ Иисус Сирах. Согласно Септуагинте, «Мудрость Иисуса, сына Сираха», также известна как «Книга мудрости», или «Екклесиаст», созданная в начале II века до н.э. У Иисуса Сираха написано: «И если кратко, то именно Он это» (XLIII, 29).

⁵ Палингенесия (гр.) — новое рождение, возрождение.

⁶ *Thesaurus Brandenburgicus* — 3-томное богато украшенное издание с многочисленными иллюстрациями, содержащее описание монет и драгоценных камней из Гейдельбергской и Берлинской коллекций. Оно было подготовлено известным нумизматом и ювелиром из Гейдельберга Лоренцом Бегером и вышло в период с 1696 по 1701 г. В 1686 г. Бегер поступил на службу в курфюршество Бранденбург-Пруссия и с 1693 г. стал управляющим всеми королевскими коллекциями в Берлине.

коем Бегер «изображает Юпитера, облаченного в философскую мантию», о чем я прочел пару вечеров тому назад.

Хотя по мне всё, что касается темы и главного вопроса, по-прежнему сводится к тому, прав или не прав *Автор*¹ в своей **основе**, сейчас я хотел бы ограничиться рассмотрением двух заданных мне положений, а именно: *смысла* якобы древнейшего свидетельства (?) и якобы соответствующего ему *доказательства*, исходя из системного согласия друг с другом всех известных нам традиций, о чем трактует автор в своей книге.

Мой друг д-р Линднер никак не может справиться с этой милой книжицей, ибо его желудок не может переварить, говорит он, сокрытый в ней *опиум*. Он мается с ней, вместо того чтобы сразу всю ее проглотить, как один древний пруссак — свой нож² или как кит — одного древнего пророка³, или как наши новейшие раввины глотают целых верблюдов со всеми их горбами и поклажей⁴. Потому как, похоже, испарения моей памяти несколько сильнее, чем я думал, я вынужден представить мои объяснения *generalissime*⁵.

Второй главный пункт моего скромного анализа ни в коей мере не противоречит мнению автора: в нем отражено мое стремление открыть шлюзы его вдохновения, укрепить его в его решимости.

По его собственному суждению, а это и мой взгляд, по простоте и очевидности наш древнейший документ превосходит известное сообщение Цезаря о его победе: *veni, vidi, vici*⁶. Ясное дело, что победа, о коей свидетельствует древнейший документ, не может рассчитывать на то, чтобы удостоиться какого-либо триумфа.

Посему моя хвала была адресована только теории и методу его изложения, в чем автор, как мне кажется, проявляется преимущественно как ортодокс⁷. Эта хвала, правда, сама по себе легче легкого, легче даже самого невесомого воздуха, но вместе с тем весомей многого в своей невыразимой и неизмеримой высоте, ибо вполне сравнима с эластичным давлением воздуха на ртутные столбики земных измерителей.

¹ Гаман в свойственной его стилю семантической игре придает лексеме «автор» амбивалентный смысл: С одной стороны, Гердер как автор трактата, с другой — Господь-Творец как Автор мира и древнейшего свидетельства.

² В мае 1635 г. 22-летний Андреас Грюнхайде, поденный работник одного крестьянина, проглотил свой нож. Кёнигсбергский хирург Даниэль Швабе удалил нож, проведя первую операцию по резекции желудка.

³ Пророк Иона. См.: И повелел Господь большому киту проглотить Иону (Иона 2, 1).

⁴ Вожди слепые, оцепеживающие комара, а верблюда поглощающие! (Мтф. 23, 24—25). В своей библейской аллюзии Гаман выступает против современных ему теологов, которых он обвиняет в фарисейском формализме.

⁵ В самых общих чертах (лат.).

⁶ Пришел, увидел, победил (лат.) — таков текст сообщения, посланного Цезарем после его победы над царем Боспорского царства Фарнаком II в 47 г. до н.э под Зелой.

⁷ Гаман с его культом языковой точности имеет в виду прежде всего внутреннюю семантическую форму понятия «ортодоксия» (гр.) — *ortho + doxie* = прямой, правый + мнение, учение. При этом он учитывает и те коннотативные значения, которые отражены в русскоязычном эквиваленте «право + **славие**», создавая тройную аллюзию в своей языковой игре: 1. Он «славит» Гердера, который в своем трактате славит Творца. 2. Одновременно он подчеркивает ортодоксальность, то есть «религиозную дисциплинированность» Гердера, выступая при этом против многочисленных представителей теологической неологии своего времени. 3. Семантический максимум «ортодокса» слагается, однако, прежде всего Того, Кого Гаман считает главным Автором мира — Творца.

Ортодоксальность автора по праву заслуживает хвалы, ибо ортодоксальность — это единственное вознаграждение, на кое может рассчитывать Тот, Кто, будучи наставником, никак не связан напрямую с исполнением Своих наставлений. Ну как тут быть? Если Он учит тому, что считают заблуждением, но, будучи благ и истинен, творит благо и истину, то убеждает многих Своим делом, однако грешит в глазах читателей, слушателей и учеников, кои, правда, должны вначале учиться, а не судить и рядить, чего им не должно даже желать, ежели они смиренны и моральны. Все проступки автора против его собственных принципов, поелику оные праведны и крепки, есть, по моему разумению, не что иное, как проявления нашей человеческой мерности; они иногда бывают даже необходимы, а порой даже суть добродетели, ежели автор узнается в них, как один несправедливый, но догадливый управитель¹ перед своим господином, посему не следует их совсем уж обрывать на проклятие.

Истина вообще в своей духовной природе столь абстрактна, что не может быть постигнута никак иначе, как согласно своей основе, то есть *in abstracto*. *In concreto* же она предстает или как противоречие, или как тот знаменитый камень наших мудрецов, посредством коего не только любой незрелый минерал, но даже камень и любое дерево внезапно превращаются в чистое золото.

Что же касается второго пункта, основанного на доказательстве соответствия древнейшего свидетельства архивам национальных преданий других народов, то его обоснование, пожалуй, под силу только какому-нибудь великому Ньютону, сумевшему направить вокруг света целые научные посольства на сбор разумных доказательств его теории², в то время как бедному Архимеду всегда не хватало одной точки опоры, дабы показать всем знаки и чудеса своего рычага³. Без католического⁴ доказательства на основе единства голосов народов мира и общей идентичности нашей плоти и крови, без отмычки к архивам еще живущих дикарей и к реликвиям уже преобразенных наций у самого ясного и достоверного документа человеческого рода, сохраненного благо- и чудотворящим предрассудком одного вечного жида⁵, есть лишь одна простая возможность быть понятым — стать подобным своему великому и неизвестному прообразу Иову⁶ в том, что он есть, и за это стать понятым каждому.

Из всех сект, выбранных как путь к блаженству, к небесам обетованным и к сообществу с *Ens Entium*, или к единственно мудрому Энциклопедисту человеческого рода, мы были бы самыми жалкими из людей, ежели бы

---

¹ См.: Лк. 16, 1—8. И далее: «И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде» (Лк. 16, 8—9).

² Аллюзия Гамана на направленные по инициативе Парижской академии наук с 1735 г. геодезические экспедиции в Перу и Лапландию, которые произвели там градусные измерения, подтвердившие правильность идеи Ньютона о сфероидной форме Земли и доказавшие обоснованность закона всемирного тяготения.

³ Архимед, обосновавший закон рычага, известен своим изречением: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир».

⁴ *Katholikos* (гр.) — общий, всемирный.

⁵ Аллюзия Гамана на древнееврейское происхождение Книги Бытия, которая в глазах рационалистической критики воспринималась как древний предрассудок непросвещенного иудаизма.

⁶ Иов 36, 26: «Вот Бог велик, и мы не можем познать Его».

главная крепость нашей веры зиждилась на сыпучих песках модной учености критической философии. Нет! Теория истинной религии не только навсегда останется соразмерной душе каждого дитя человеческого, ибо она вживлена в ее ткань и поэтому может быть восстановлена в ней, но и всегда будет недоступной самым дерзновенным великанам и покорителям небес из-за своей невозможности быть обоснованной со стороны самых глубоко-мысленных умников и интеллектуальных альпинистов.

Посему при повторном прочтении и разборе новейшего толкования древнейшего свидетельства я намерен остаться верным кредо моего любимого поэта: «*Minimum est, quod scire laboro*»¹.

А для моей статьи на тему я уже выбрал эпиграфом слова Иосифа из Книги Бытия: «Не от Бога ли истолкование?»²

Что же касается моего искреннего предложения Вам, высокочтимый г-н профессор, выбрать Вас *arbitro* в одном несколько элегантно деле³, кое больше подходит мне, чем Вам, то оно, во-первых, не было шуткой, а во-вторых, ни в малейшей степени не должно связываться с ложно приписываемыми мне с Вашей стороны побочными умыслами. Так, под системой акционерных вкладов⁴ при характеристике Кантера я не имел в виду ничего злонамеренного, а лишь только царское высокомерие критических издателей судить о плевелах и злаках какой-нибудь книги лишь по мерке лавочников и миссисипской влюбленности⁵ слепой обманутой публики.

«И стоит уже она против Него, плотно сомкнутая фаланга мастеров филистерской (моабитской)⁶, арабской и критской учености. — Тень гор принимаешь ты за плотно сомкнутую фалангу.»⁷

«И вот, снилось мне, — слышу я одного в шатрах Мадиянитян и Амаликитян, — будто круглый ячменный хлеб катился к плотно сомкнутой

¹ Мне узнать желательно сущую малость (лат.). Гаман цитирует «Сатиры» Авла Персия Флакка. См. в кн.: *Римская сатира*. М., 1989. С. 101.

² См. Бытие. 40, 8: «Они сказали ему: нам виделись сны; а истолковать их некому. Иосиф сказал им: не от Бога ли истолкования?»

³ Гаман имеет в виду свое предложение, чтобы Кант написал рецензию на трактат Гердера и рекомендовал его к публикации в типографии Кантера в Мариенвердере.

⁴ См. письмо Гамана Канту от 7 апреля 1774 г.

⁵ Это аллюзия Гамана на акционерное общество Джона Лоу «Восточная компания». Разрешение на его создание Дж. Лоу получил в 1717 г. Целью предприятия была колонизация земель Луизианы, через которые протекает Миссисипи. Финансовая пирамида Дж. Лоу рухнула в 1720 г.

⁶ В ответ на замечание Канта в конце его письма от 8 апреля 1774 г. Гаман создает сложный синкретичный «центон», в котором, с одной стороны, аллюзия на противников Израиля — филистимлян и моавитов, с другой — на берлинское просвещение во главе с его королем Фридрихом II, который охотно приглашал к себе известных французских просветителей, что не раз становилось предметом критики Гамана. Имплицитное указание на это — в обыгрывании Гаманом названия берлинского района Моабит, основанного в 1718 г. как поселения для французских гугенотов.

⁷ В своем «центоне», стилизованном под Книгу Судей, Гаман соотносит идею своего пассажа с 9-й главой Книги Судей, в которой Зевул, начальник города Сихем, разгневанный на Гаала, сына Еведа, возмущающего жителей Сихема против Авимелеха, вводит его в заблуждение о приближении отрядов Авимелеха: «И встал ночью Авимелех и весь народ, находившийся с ним, и поставили в засаду у Сихема четыре отряда. Гаал, сын Еведов, вышел и стал у ворот городских; и встал Авимелех и народ, бывший с ним, из засады. Гаал, увидев народ, говорит Зевулу: вот народ спускается с вершины гор. А Зевул сказал ему: тень гор тебе кажется людьми» (Судьи. 9. 34—37).

фаланге”¹. Тут ответил ему другой: Почему хлеб, а не наш друг, книгоиздатель из Мариенвердера? А что это он на себя напялил? Так это не что иное, как 3 пера мамamuши — гусиное перо, лебединое перо и воронье перо”»².

Но поелику без цензора и издателя мне невозможно стать писателем — ежели только по образцу Мелхиседека без отца, без матери, без родословия³, — то мне не остается ничего другого, как, подобно другу Гердера, моему другу и другу Лафатера!⁴, быть философом и помалкивать в эти новые времена, а написанные мною Prolegomena к новейшему толкованию древнейшего свидетельства сегодня в Dominica Quasimodo⁵ а.с.⁶ завершить неперпящим возражения приказом великого критика и криптофилосога Понтия Пилата, кой без сомнения был поклонником истины и невиновности, что видно из его Quaestione Academica⁷ и из его ставшим типичным мытъя рук⁸: «Quod scripsi, scripsi!»⁹

Г.

Перевод с нем. В. Х. Гильманова

¹ Гаман создает «цнтон», в котором сравнивает себя с Гедеоном, спасителем израильтян от мадианитян и амаликитян и других жителей востока. См. Судьи. 7, 12–14: «Мадианитяне же и Амаликитяне и все жители востока расположились на долине в таком множестве, как саранча; верблюдам их не было числа, много было их, как песку на берегу моря. Гедеон пришел. И вот один рассказывает другому сон и говорит: “Снилось мне, будто круглый ячменный хлеб катился по стану Мадиямскому и, прикатившись к шатру, ударил в него так, что он упал, опрокинул его, и шатер распался”».

² В своем «цнтоне» Гаман сравнивает Кантора с г-ном Журденом из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», намекая на тот факт, что сам король Фридрих II поручил Кантору организацию книгоиздания в Мариенвердере, оказав при этом финансовую поддержку. См., например, диалог Ковьяля и г-на Журдена в действии 4 явлении 5 комедии:

Ковьяль. Так вот, исполняя его поручение [якобы сына турецкого султана — прим. переводчика], я довожу до вашего сведения, что он прибыл сюда просить руки вашей дочери, а чтобы будущий тесть по своему положению был достоин его, он вознамерился произвести вас в «мамamuши» — это у них такое высокое звание.

Г-н Журден. В «мамamuши»?

Ковьяль. Да. <...> Это самый почетный сан, какой только есть в мире.

Цит. по: Мольер Ж.-Б. Комедии. М., 1972. С. 495–496.

То есть если г-н Журден производится в «мамamuши», в сан «паши трех конских хвостов», то Кантор возведен, по Гаману, в сан «мамamuши трех перьев».

³ См. Евр. 7, 1 -3: «Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда».

⁴ Это Кант.

⁵ Dominicus (лат.) = принадлежащий Господу. Quasimodo (лат.) — от Quasi modo geneti = Как будто вновь родившийся. С этих строк начинается католическая месса в Фомино воскресенье, то есть в первое воскресенье после Пасхи.

⁶ Anni currentis (лат.) — текущего года.

⁷ Академическое исследование (лат.): горько-ироническая аллюзия Гамана на проведенное Пилатом расследование обвинения, предъявленного Христу Синедрионом.

⁸ См. Мф. 27, 24: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом и сказал: “Не виновен я в крови Праведника Сего”».

⁹ Что я написал, то написал (лат.). См. Ин. 19, 21–22: «Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: “Царь Иудейский”, на что Он говорил: “Я Царь Иудейский”. Пилат отвечал: что я написал, то написал».

О ТРАКТАТЕ ГЕРДЕРА (КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА)

1. Гаман и Гердер

Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что Гердер в значительной мере сформировался под непосредственным влиянием идей Гамана, которого по праву считал своим учителем. Парадокс, однако, в том, что отношения между учителем и учеником характеризуют ситуацию драматичного «эпистемологического разрыва» (М. Фуко), характерного для XVIII в., поскольку именно Гердер осознанно создал основу для секуляризованного, гуманистического переосмысления богоцентрических идей Гамана¹.

Гердер прибыл в Кёнигсберг в 1762 г. для учебы в Альбертине. Вскоре он познакомился с Гаманом, у которого стал брать уроки английского. В 1764 г. он пишет рецензию на «Aesthica in nuce. Рапсодия в каббалистической прозе»² Гамана под названием «Дифирамбическая рапсодия на рапсодию в каббалистической прозе»³. Эта рецензия не особенно понравилась Гаману и она не была опубликована. Эта короткая работа 20-летнего Гердера написана в стиле «Aesthetica in nuce» и является «рапсодией», поскольку состоит большей частью из цитат сочинения Гамана. Важно то, что уже эта маленькая «рапсодия», написанная вблизи учителя, является свидетельством непонимания того, что в целом отражает общее положение с сочинениями Гамана. Гердер сам признается в непонимании Гамана: «Его наука — это чернильное пятно на промокашке, поглотившее бесчисленное множество букв на ней; его мысли — взгляды в будущее, его взгляды в будущее — это его заключительные выводы, у которых отсутствует костяк предварительных выводов, а его слова — это изречения мудреца, слишком возвышенные для какого-либо возражения или применения»⁴. «Мы — в дураках, если мы читаем его книгу, не зная его; и в дураках его знакомые, о которых он воображает, будто они кое-что о нем знают. И вот: они ничего не знают!»⁵

В содержательном плане критика Гердера направлена против возможности «оживления» мифологической поэзии, поскольку ветхозаветный способ мышления и поэтического выражения обусловлен временем и культурой и не может быть оживлен в современном «философском столетии». В своих последующих трудах Гердер несколько оптимистичнее в отношении этого вопроса, но уже в этой «Рапсодии» легко узнается его историко-генетическое мышление: каждая эпоха имеет собственную культуру и образ мышления, значение и характер которых не поддаются окончательному пониманию на основе критериев иных времен.

¹ На это указывает, например, один из самых известных исследователей Гамана С.-А. Йоргенсен. См.: *Jorgensen S.-A. J.G. Hamann. Sokratische Denkwürdigkeiten. Aesthetica in nuce. Mit einem Kommentar.* Stuttgart, 1968. S. 190–191.

² См.: *Aesthetica in nuce* / пер. и ком. В.Х. Гильманова // Гильманов В.Х. Герменевтика «образа» И.Г. Гамана и Просвещение. Калининград, 2003. С. 477–545.

³ Впервые опубликовано в работе: *Warda A. Ein Aufsatz J.G. Herders aus dem Jahre 1764 // Euphorion. Ergänzungsheft 8. 1909. S. 75–82.*

⁴ *Ibid.* S. 81.

⁵ *Ibid.* S. 82.

Поразительной является заключительная часть «Рапсодии», в которой молодой амбициозный Гердер с безусловной пророческой силой и верой в свои силы объявляет о том, что не Гаман, а он, Гердер, откроет и обустроит «новый континент» поэзии и мышления: «Нет, не именем лейбницианского Колумба, открывшего один островок здесь, другой — там, а именем вольфианского Америго, вступившего на твердую землю материка, был назван новый мир!»¹ Нетрудно догадаться, кого Гердер имеет в виду под «Колумбом», а кого — под «Америго». Это намерение и уверенность молодого автора поражают и восхищают исследователей уже потому, что оно было в конечном счете выполнено: Гердер открыл «новый мир» «Бури и натиска» и романтизма. Один из современных исследователей Гердера Альбрехт Шёне так комментирует это программное заявление Гердера: «Молодой Гердер, собравший в своей «Дифирамбической рапсодии» зерна Гамана и прорастивший из них первые побеги своего будущего творчества, еще совсем ученик своего великого учителя и все же уже применивший против него свой собственный исторический и генетический метод мышления, решился в конце своей неопубликованной «Рапсодии» объявить программу, более того, пророчество, которое для того, кто сквозь его затемненные слова провидел смысл, должно было показаться невероятным высокомерием. Но даже если он сам не стал в прямом смысле систематиком и если даже менее важным было защитить нашу эстетику, а более важным — развязать наш поэтический язык, он в конце концов выполнил свой оракул. Удивительно: едва исполнилось 20 лет, еще ничего не опубликовано, что имело бы значение, а он уже знал: не «колумбический, лейбницианский» Гаман, открывший один островок здесь, другой — там, а «американский, вольфианский» Гердер, который вступил на твердую землю материка, даст имя новому миру!»²

Парадокс, однако, в том, что этот «новый мир», открытый Гердером, был совсем не той страной, на поиски которой отправился его учитель: в историческом море XVIII в. корабли ученика и учителя разошлись в разные стороны. То, что Гердер выберет путь, отличный от учителя, стало ясно уже после написания «Дифирамбической рапсодии». То, куда ведет этот путь, показали его сочинения 60-х гг. — «Опыт истории лирической поэзии» (*Versuch einer Geschichte der lyrischen Dichtkunst*) и «Фрагменты о новейшей немецкой литературе». В этих сочинениях ясно прослеживаются идеи, перенятые Гердером у Гамана: чувственно-образная специфика поэзии, «эстетика страсти», язык как основа человеческого познания и культуры и как выражение духа как отдельного индивида, так и всего народа, поэтическое толкование Ветхого Завета и др. Но все эти темы Гердер трактует с позиций совершенно отличного от Гамана принципа реальности, основанного в первую очередь на системе взглядов Руссо³, Эпикура, Лукреция⁴ и др. Основываясь на их взглядах, Гердер развивает идеи о натуралистическом и циклическом развитии природы и истории, в которых нет места «транс-

¹ Warda A. Op. cit. S. 82.

² Schöne A. Herder als Hamann-Rezensent. Kommentar zur Diphyrambischen Rhapsodie // *Euphorion*. Heft 54. 1960. S. 201.

³ См. об этом: Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. XI—XII.

⁴ Для Гердера и позже для всего Веймарского круга Лукреций имел такую же функцию, как Спиноза.

цендирующей» перспективе в отношениях между Богом и человеком. Другим источником натуралистического влияния на Гердера был трактат Юма «Естественная история религии», основанный на идеях эпикуризма¹. Вся сила античного знания, воспринятая Гердером, заключена прежде всего в концепте понятия «природа», в рамках которого природа понимается как сущая в себе, автономная сущность, не нуждающаяся в Творце и не знающая участия божественных сил в природном процессе. Философию природы и культуры Гердер разворачивает на основе органического и генетического подходов, используя при этом такие метафоры, как «растущее дерево», «возраст», «цветение, созревание и увядание» и т.п.

Античное понятие природы Гердер переосмысливает таким образом, что история оказывается существенным компонентом «понятийного поля» природы, не нарушая при этом натуралистической имманентности этого понятия. О том, что Гердер, несмотря на многие различия, в целом основывает свои позиции на парадигме Просвещения, свидетельствует его отношение к религии, возникновение которой он объясняет страхом, который исчезает по мере развития философского знания и понимания. Он подвергает сомнению возможность «антропоморфного разговора» о Боге. Уже в молодом возрасте Гердер, не без влияния Спинозы, начинает рассматривать генетическое развитие человека и природы с позиций детерминизма. В этой связи следует согласиться с мнением Н. А. Жирмунской о «связи Гердера с идеями Просвещения»².

Резкое обострение идейных взаимоотношений между Гаманом и Гердером было связано с опубликованием в 1770 г. трактата Гердера «О происхождении языка», удостоенного премии Берлинской академии наук. В нем Гердер доказывает человеческое происхождение языка на основе генетического метода, рассматривая генезис языка как закономерный процесс, свойственный природе человека. Следует отметить, что понимание Гердером человеческой души с присущей ей силами, «действующими в направлении прогресса», сильно напоминают «монаду» Лейбница, располагающую в самой себе динамичной преформацией к градуальному разворачиванию. Гердер пишет в своем трактате: «Так и генезис языка является внутренним напором, как напор эмбриона к рождению в момент его зрелости»³. Влияние Лейбница, с трудами которого Гердер был хорошо знаком⁴, сказывается также и в смысловом родстве понятия «признание» у Гердера и «апперцепция» у Лейбница. Кроме того, принцип «аналогии», свойственный теории Гердера, напоминает «закон непрерывности» Лейбница, согласно которому все мироздание как онтологически, так и гносеологически представляет собой единый грандиозный континуум. В целом же теория Гердера отражает его деизм со свойственным Гердеру органическим понятием природы: «Человеческое происхождение языка показывает Бога в высо-

¹ См.: *Herders Exzerpt // Herder J. G. Sämmtliche Werke / Hrsg. von B. Suphan. Berlin, 1899. Bd. 32. S. 193–197.*

² *Жирмунская Н. А. Историко-философская концепция И. Г. Гердера и историзм Просвещения // XVIII век. Сборник 13: Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII – начало XIX в. Л., 1981. С. 92.*

³ *Herder J. G. Abhandlung über den Ursprung der Sprache / Hrsg. von H. D. Irmischer. Stuttgart, 1985. S. 148.*

⁴ См.: *Proß W. J. G. Herder. Über den Ursprung der Sprache. Text, Materialien, Kommentar // Herder J. G. Werke. München; Wien, 1987. Bd. 2. S. 135–178.*

чайшем свете: Его произведение, человеческая душа сама из себя создает и развивает язык, поскольку она, будучи Его произведением, является человеческой душой»¹. С позиций деизма разрешает Гердер и одну из основных проблем — соотношение языка и разума, развивая теорию об их едином психогенетическом происхождении, но не раскрывая проблемы герменевтического отношения между языком и разумом, которая прежде всего сводима к проблеме соотношения знака и значения².

Реакция Гамана на призовое сочинение Гердера отражена в полемическом фейерверке, который поддается разделению на четыре этапа: 1) сначала он пишет «Две рецензии»; 2) затем — «Приложение», в котором он под псевдонимом «Аристобул» проводит «разборку» своей собственной рецензии на трактат Гердера; 3) позже он публикует важнейшее сочинение из «гердерского цикла» под названием «Последнее волеизъявление рыцаря фон Розенкрейца»; 4) в заключение Гаман пишет двойное сочинение «Филологические озарения и сомнения» и «К Саломону Пруссии» (*Au Salomon de Prusse*); последнее из этих двух не рискнул опубликовать ни один из издателей, поскольку оно содержит язвительную критику на короля Фридриха II. В этих своих работах христоцентричный Гаман оценивает трактат Гердера как опасную попытку возвеличить человека до секулярного «самобожествления», что ведет в конце концов к абсолютной утрате, к «исчезновению» реального человека. Согласно Гаману, божественные способности человека в его коде «образа и подобия» обязаны своим проявлением не натуралистическому «апофеозу», а «привилегированному антропоморфизму» Бога, нисходящего в своей любви к человеку, вплоть до антропоморфизма Бога во Христе.

2. «Древнейший документ человеческого рода»

После опубликования трактата «О происхождении языка» Гердер погружается в работу над толкованием Книги Бытия Ветхого Завета. В это время начинается его так называемый «ортодоксальный период», который в немалой, если не в решающей степени, был обусловлен критикой Гамана в отношении его идей. Несмотря на полученную от Королевской академии наук премию, Гердер все время подчеркивает свою дистанцию от лидеров берлинского просвещения, а в его сочинении «Древнейший документ человеческого рода», посвященном исследованию первой главы Книги Бытия, нередко встречаются идеи Гамана.

Гердер стремится защитить Книгу Бытия от попыток рационалистической или метафизической интерпретации. Он толкует ее с позиции герменевтической перспективы, изложенной им в письме к Гаману в апреле 1768 г.³: первая глава Книги Бытия — это древневосточное свидетельство

---

¹ Herder J. G. Op. cit. S. 221.

² В современной философии языка доминирует сосюрвовское понимание этого вопроса, согласно которому между материальной оболочкой знака («означающее» — сигнификант) и «упакованным» в нее значением («означаемое» — сигнификат) нет эссенциальной взаимосвязи. Эта связь произвольна, поскольку материальный знак представляет собой «контингентную» историческую форму.

³ См.: Hamann J. G. Briefwechsel. Bd. 1–3 / Hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden, 1955–1957; Bd. 4–7 / Hrsg. von A. Henkel. Wiesbaden, 1959, Frankfurt am Main, 1965–1979 (в дальнейшем дается в сокращении — ZH) ZH II 408:33-.

Творения из «золотого детства» человеческого рода, когда еще говорили чувствами и образами. Тогда человек еще не был «поврежден» господством абстрактного ума. Реальный мир он переживал интуитивно-образно и находился в связи с творящими силами природы. Поэтому «древнейший документ» Творения может быть понят только при условии обращения человека к его собственному чувству, к собственному поэтическому воображению, погребенному под толстым слоем рационализма. Здесь же Гердер выражает свое несогласие с «просвещенным» мнением о том, что между «современной высокоразвитой» культурой и «примитивной культурой» Древнего Востока с ее «сказками и мифами» существует непреодолимая пропасть¹. Гердер — против рационалистической точки зрения Просвещения, согласно которой история древних «примитивных» народов представляет собой несовершенные стадии исторического движения к «просвещенным» временам как к высшей точке мировой истории. Гердер настаивает на том, чтобы всякая культура оценивалась бы на основе историко-генетического метода из конкретных условий ее развития.

В своем толковании образов Книги Бытия Гердер предпринимает попытку пробудить в читателе «неиспорченное дитя природы», которое он узнает в «древнейшем документе» и которое, как он считает, органичным образом сохраняется в каждом отдельном человеке. Отсюда его стиль дифирамба, его вдохновенный язык, направленный на пробуждение в читателе конгениальности духа «древнейшего свидетельства». Опираясь на библейский факт сотворения человека как «образа и подобия», Гердер развивает очень оптимистический образ человека. Конечно, утверждает он, «не все еще развилось» в человеке, но с самого начала он — «достойный восхищения представитель Бога на земле». Это восхищение Гердер выражает многочисленными восклицаниями: «Представлять на земле Бога! Владеть, править ею со всей силой созидания и добра, действительно, тихо и незаметно, как Он! В природе быть богом земли, распространять благо, жизнь и счастье!»² И тут же — жесточайшая критика философского духа Просвещения: «Какой позор, что философский дух нашего столетия унизил себя и свой род до уровня скота, даже ниже, чем скота!»³

После поэтического толкования Книги Бытия Гердер пытается доказать, что за всеми этими поэтическими образами сотворения мира скрывается «определенный план», который сводится к тому, что рассказ о начале мира в первой главе — это «аллегория утренней зари», «не больше и не меньше как картина утренней зари, образ рождения нового дня»⁴, отражение того, как человек природы переживает начало нового дня. «Да будет свет!» — указывает он на первый луч восходящего солнца: каждый день переживается как новое творение.

В следующей главе Гердер объясняет, что «древнейший документ» представляет собой «наставление Бога», благодаря которому он упорядочил хаос чувств и впечатлений природного человека в единое осмысленное целое и создал тем самым основу для языка и познания, то есть «Бытие» — это «древнейшее наставление», это «урок» Бога⁵. В сравнении с трактатом

¹ См.: Herder J. G. Älteste Urkunde des Menschengeschlechts // Herder J. G. Sämtliche Werke / Hrsg. von B. Suphan. Berlin, 1883. Bd. 6. S. 255.

² Ibid. S. 275.

³ Ibid. S. 253.

⁴ Ibid. S. 258.

⁵ Ibid. S. 267.

«О происхождении языка» сразу бросается в глаза, что теперь происхождение языка Гердер связывает с «уроками Бога». Он утверждает также, что природа языковой способности рецептивна и может быть пробуждена только божественным воздействием. Но как Бог это сделал? «Изнутри? Снаружи? Мистически? Физически? Какая тут разница! Все вместе! Божественно и человечески! Силами изнутри и потребностями снаружи! Все — просто вездесущее наставление Бога для Своего «образа и подобия», для любимца Своего сердца!»¹

«Божественно и человечески» — так Гердер характеризует происхождение языка в этот раз, повторяя как будто точку зрения Гамана. Но у Гамана «божественно и человечески» означает *communicatio idiomatum*² трансценденции и имманентности, коммуникативное пространство, в котором конституируется отношение между Богом и человеком. У Гердера — другое, оно содержит уже начала «философии человека» будущего романтизма: «божественно и человечески» понимается Гердером скорее пантеистически и ведет к романтическому возвеличиванию и обожествлению человека, что подчеркнуто восторженно-пафосной стилистикой «бурного гения». Даже если Гердер под влиянием критики Гамана возвращается к «божественной гипотезе», это «возвращение» в его исполнении все равно наполнено романтической пассионарностью его «академической теории» и сопровождается романтическим возвышением человеческой природы, проникнутой наставлениями божественного учителя.

Такое же несовпадение взглядов и в сфере герменевтики. Гамановское понимание «образности», образного языка в контексте его трансцензусной онтологии и антропологии направлено прежде всего на восстановление, возрождение, воссоздание трансцендирующего и типологического горизонта нашего опыта действительности, «поврежденного» грехопадением. Согласно Гаману, в герменевтическом пространстве образного языка Библии заложено теоцентрическое и христологическое понимание человека и мира. Гердеровское понимание образного языка «древнейшего документа» — иное: образный язык Книги Бытия, в понимании Гердера, указывает на иной, чем у Гамана, «последний горизонт», а именно на природу, на «естественного человека», на «естественный», имманентный опыт действительности, который, согласно Гердеру, еще ощущается в образном языке ветхозаветных текстов. Пантеистической имманентности человеческой гениальности, которой Бог «научил» человека, по мнению Гердера, Гаман противопоставляет конгениальность духа человека со Святым Духом, которая может иметь место только при условии эмотивного вхождения в образный контекст Писания.

Именно этой персональной проникнутостью логоса человека типологической образностью Библии объясняется библиоцентрическая центристичность языка Гамана, проникнутого мириадами библейских цитат и аллюзий.

---

¹ Herder J. G. Op. cit. S. 300.

² *Communicatio idiomatum* (лат.) — *communicatio* = связь, сообщение + *idioma* = особенность, своеобразие. Гаман употребляет это словосочетание в смысле «сообщающиеся сосуды», используя его для обозначения специфики основополагающего онтодиалога между Богом и человеком.

3. Вопрос о «третьем пути»

Как реакция на опубликование трех глав «Древнейшего документа» Гердера возникает короткая, но довольно интересная переписка между Гаманом и Кантом¹. Два своих письма из этой переписки Гаман позже опубликовал с некоторыми изменениями в форме короткого сочинения под ироничным названием «Пролегомена старшего таможенника Захей-христианина о новейшем толковании древнейшего документа человеческого рода. В двух ответных письмах к Аполлонию-философу»². Имена «Захей-христианина» и «Аполлония-философа», под которыми «скрываются» Гаман и Кант, автор «подсмотрел» в названии книги «Consultationum Zachaei et Apollonii Philosophi»³.

Первое письмо Гамана к Канту от 7 апреля 1774 г. — это его реакция на рецензию Канта по поводу «Древнейшего документа» Гердера в письме Канта к Гаману от 6 апреля 1774 г. Письмо содержит собственную рецензию Гамана из четырех пунктов:

«1. Моисеева история Творения — не от самого Моисея, а от первоотцов человеческого рода. Уже только эта древность делает ее для нас достойной почитания, но одновременно раскрывает истинное детство нашего рода.

2. Эти Origines — не сочиненная поэзия, не древневосточная аллегория, меньше всего египетские иероглифы, а историческое свидетельство в собственнейшем смысле — настоящее семейное свидетельство — даже более достоверное, чем самый простой физический эксперимент.

3. Эта Моисеева археология — единственный и лучший ключ для всех прежних загадок и сказок древнейшей восточной и гомеровской мудрости, коя изначально вызывая *implicite* восхищение, была отвергаема, не будучи когда-либо понятой самыми дотошными критиками, пресмыкающимися перед мудростью века сего. Но свет, исходящий из этой колыбели человеческого рода, проясняет Святую ночь в обрывочных преданиях всех традиций. Здесь единственная обоснованная причина необъяснимой стены и препятствий, разделяющих дикие и культурные народы.

4. Чтобы для каждого заинтересованного читателя Моисеевых рукописей вновь восстановить их первоначальный, однозначный, безмерно плодотворный смысл, нужно не больше и не меньше чем взорвать и снести все бастионы новейших схоластов и аверроистов» (из письма Гамана к Канту от 7 апреля 1774 г.).

Это поразительное и отважное до дерзости письмо к Канту, к «строителю» одного из мощнейших «бастионов» Просвещения, к создателю критической философии, содержит в себе мощный потенциал «деконструктивистской» энергии и уверенности. Как видим, используя гердеровскую метафору «детства человечества», Гаман придает ей типологическое значение, оценивая историю Творения как часть «семейной хроники» человеческого

¹ См.: *Kant's Briefwechsel*. B. 1–3 // *Kant's gesammelte Schriften* / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Zweite Abteilung: Briefwechsel. B. 10–12. Berlin; Leipzig, 1922. B. 1. S.153–164.

² См.: *Hamann J. G. Sämtliche Werke*. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. 6 Bde. Wien, 1949–1957 (в дальнейшем дается в сокращении — N). N III 123–133.

³ См. об этом в его текстах: N III 128:36, ZH III 129:32.

рода с соответствующими онтологическими, антропологическими и герменевтическими импликациями. В противовес Гердеру и его толкованию Кантом Гаман объявляет Книгу Бытия «историческим свидетельством», а не аллегорией или сочиненной поэзией. Это свидетельство не дает точного описания исторических фактов, но относится к исторически обоснованным реалиям божественного Откровения. Этот «древнейший документ» есть «образное» повествование о сотворении мира, освещающее историческое первоначало творящего Слова Бога, которым Он вызвал к бытию природу и человека. У Гердера этот аспект отсутствует так же, как связанное с ним онтологическое и герменевтическое значение Книги Бытия.

Согласно Гаману, история Творения — герменевтический ключ не только для понимания человека и природы, но также и для истолкования древних традиций всех народов. В этом пункте Гаман как будто присоединяется к позиции Гердера, который в главе VI «Иероглифика» своего «Древнейшего документа» трактует рассказ о сотворении мира как «иероглифический образец» для древних традиций всех народов¹. Это толкование Гердер иллюстрирует на примере «иероглифического ядра» из семи образов, отражающих семи дней Творения². Это «ядро» сохранилось, по Гердеру, в символикe Гермеса, которую можно обнаружить в мифологической мудрости всех древних культур как «первосимвол». То есть Гердер стремится раскрыть истинное значение не только «древнейшего документа» иудеев, но и всех древних свидетельств других народов.

На первый взгляд кажется, что Гаман разделяет герменевтическую позицию Гердера, однако он существенно уточняет ее, истолковывая Откровение в «Бытии» не только как герменевтический, но и как «нормативный» ориентир. Этого у Гердера нет: он отводит рассказу о сотворении мира определенное место в общем контексте других культурных традиций, не поднимая при этом вопроса о культурно-исторической перспективе древних народов в «нормативном» свете книги Бытия.

В целом же Гаман в своем письме к Канту с одобрением высказывается о намерении Гердера защитить Книгу Бытия от попыток узко рационалистической интерпретации. В конце письма Гаман жалуется Канту на то, что Кёнигсбергский университет присвоил И. А. Штарку звание профессора. Штарк был учеником Михаэлиса, и поэтому Гаман подозревает его в принадлежности к тому направлению позитивистской экзегетики, против которого выступают как Гердер, так и Гаман.

В ответном письме Кант высказывается по поводу двух пунктов из письма Гамана и по поводу его критической позиции в отношении Штарка. Кант очень точно изображает новое положение дел в библиоведении XVIII в. Он видит две возможные позиции: с одной стороны, позиция ортодоксии, которая, по мнению Канта, без сомнения будет вытеснена; с другой — позиция современной, специализированной, секуляризированной филологии и экзегетики, которую Кант в противоположность Гаману принимает.

¹ См.: Herder J. G. Op. cit. S. 288. См. также: Büchsel E. Hermeneutische Impulse in Herders «Ältester Urkunde» // Poschmann B. Bückeburger Gespräche über Johann Gottfried Herder 1988. Rinteln, 1989. S. 157: «Книга Бытия — данное Богом зерно, из которого произрастает символизирующая способность человека вообще» (пер. с нем. В. Х. Гильманова).

² См.: Herder J. G. Op. cit. S. 339.

В ответном письме к Канту Гаман, полемизируя с ним, пытается уточнить свои суждения из первого письма. Он подчеркивает, что имел намерение своим толкованием «Древнейшего документа» Гердера попытаться понять его лучше, чем он сам себя понимает. Здесь узнается сократовский метод «майевтики» Гамана, который полагает, что Гердер своим аллегорическим толкованием грозит войти в противоречие с поставленной им самим целью. Все дело в том, что в «Древнейшем документе» речь идет, по мнению Гамана, о великом «первофакте» сотворения мира, чье фактическое содержание нельзя подвергать опасности исчезновения путем сведения к аллегории.

В конце письма Гаман комментирует размышления Канта о новой ситуации в библеоведении и высказывает мнение о возможности *третьего пути* между ортодоксией и историко-критической филологией: «Среди всех сект, представленных Вами как пути к благу, к небу и к обществу с Ente Entium¹, или с всезнающим энциклопедистом человеческого рода, мы были бы самой жалкой среди людей, ежели бы главная крепость нашей веры стояла на зыбучих песках модной критической учености. Нет, теория истинной религии останется не только соразмерной с каждым дитем человеческим, останется вплетенной в его душу или же пребудет как возможность восстановления ее в душе; она также останется недоступной в своей высоте самым дерзновенным великанам и смельчакам, штурмующим небо, так же, как и непостижимой в самой глубине для самых глубокомысленных мыслителей и интеллектуальных альпинистов» (из письма Гамана от апреля 1774 г.).

Гаман отвергает мнение о том, что вера находится в зависимости от специальных знаний современных экзегетов, поскольку эти знания без определенных «герменевтических опор» превращаются в «зыбучие пески», в «бесформенную грудку» фактов. Исходя из своего опыта «Лондонского переживания», исходя из опыта своего сердца, Гаман считает, что у человека может быть только одна верная опора, которая образуется вследствие особой духовной работы: эта опора — благодать нисходящего Глагола, Слова Бога. Об опыте этого Слова Гаман пишет уже в Лондоне в своих «Библейских размышлениях»: «Каждое слово, нисходящее из уст Божиих, — это одновременное единство мысли и движения в нашей душе. Он там, где Его Слово, Он там, где Его Сын. Если Его Слово в нас, то и Его Сын в нас, то и Дух Его Слова в нас. Он оставляет небо, Он делает его безвидным и пустым и приходит в наши сердца, не только чтобы из безвидной и пустой земли сделать рай, но и чтобы самому поставить скинию неба на земле. О каком же священным должен быть для нас этот прах земной, на коем Бог удостоивает поставить свое жилище, поелику под ним живет наш бедный дух!» (N I 64:3).

В своем ответе Канту Гаман отчетливо показывает, что его христианство — это все-таки нечто особенное, что не вписывается в прокрустово ложе традиционной ортодоксальности и в рамки неологии Просвещения.

Гердер, находившийся в живой переписке со своим учителем, был уверен, что «Древнейший документ» является лучшим свидетельством его несовместимости с рационалистическими приоритетами Просвещения. Из писем Гамана² видно, что он примерно в этом же смысле воспринял труд

¹ Сущий из сущих (лат.).

² См.: ZH III 11:24-; ZH III 74:11-.

Гердера, однако в этих же письмах ощущается заметное беспокойство Гамана о наметившейся траектории движения мысли его ученика. Еще перед опубликованием «Древнейшего документа» он в письме от 13 января 1773 г. предостерегает Гердера: «Поверьте мне, мой друг, Ваша тема выбрана счастливо и будет всегда широким полем для исследовательского духа при условии, однако, что даже ежели силе воображения при этом будут ослаблены удила, ей не будет позволено отречься от аналогии веры» (ZH III 35:9).

Из переписки видно, что Гердер увидел и понял стремление Гамана направить его в определенном направлении. В письме от 14 ноября 1774 г. после получения гамановской «Пролегомены о новейшем толковании древнейшей рукописи человеческого рода» Гердер пишет Гаману: «Вы не просто хорошо поняли мою мысль и мою цель, но и значительно очистили и улучшили их, так что и в дальнейшем Ваши кивки придут мне на помощь на моем пути, дабы я выбрал более чистую и более точную цель» (ZH III 119:16).

Гердер на самом деле учел советы Гамана при работе над четвертой частью (1776) «Древнейшего документа», в которой он подверг истолкованию вторую и третью главы Книги Бытия¹. Под влиянием Гамана он отказывается от аллегорического толкования ветхозаветных текстов и рассматривает их как историческое свидетельство. Кроме того, он отказывается от толкования грехопадения как необходимого шага в генетическом развитии человека, оценивая его как противление Богу². Однако в своем самом значительном произведении «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791), основополагающем для возникновения философии истории и культуры, Гердер все же окончательно возвращается к тем позициям, которые были намечены еще в его трактате «О происхождении языка»: к христиански окрашенной философии стремящегося к автономии гуманизма.

В. Х. Гильманов

О переводчике

Гильманов Владимир Хамитович – д-р филол. наук, проф. кафедры зарубежной филологии факультета филологии и журналистики Российского государственного университета имени Иммануила Канта, gilmanov.wladimir@rambler.ru

About the Translator

Prof. Vladimir Gilmanov, Department of International Philology, Faculty of Philology and Journalism, Immanuel Kant State University of Russia, gilmanov.wladimir@rambler.ru

¹ См.: Herder J. G. *Sämmtliche Werke*. Berlin, 1884. Bd. 7.

² Ibid. S. 70–78.